

editor: Alex. Rina

Hainish

Ursula Kroeber Le Guin

«Обширней и
медлительней империй»

Урсула Кроубер Ле Гуин

Урсула Кроубер Ле Гуин

«Обширней и медлительней
империй»

Hainish

XX © *Ursula Kroeber Le Guin*

XX

© автор Урсула Кроубер Ле Гуин

28.03.2018

© оформление Alex-Rus

28.03.2018

© редактор Alex.Rus.UA

Haïnish

РЕДАКТОР: ALEX.RUS.UA

COPYRIGHT © XX BY URSULA KROEBER LE GUIN

Аннотация

Гениальная Урсула Кроубер Ле Гуин (Ursula Kroeber Le Guin) в своей научно-фантастической притче из Хайнского цикла (Hainish) «Обширней и медлительней империй» описывает уникальный живой растительный мир, прозрачно указуя на изначальную сознательность жизни как таковой, ведь её представители способны осознавать реальность и ощущать её проявления, не смотря на софистически хитрые рассказы от «признанных аFFторитетоFF». И действительно, *«сознание и способность ощущать не являются физическими объектами — их невозможно вытащить на кончике скальпеля при резекции мозга»*. А люди, словно «насмёрть перепуганные сперматозоиды, возмечтавшие оплодотворить Вселенную», отправляются к пределам галактической Экумены, оказываясь в результате на краю даже здравого смысла...

Произведение категорически рекомендуется к прочтению лицам всех возрастов, полов, рас и уровней духовно-ментального развития, включая все виды (анти)гуманоидов, (квази)рептилоидов и конкретно (не)определившихся. Его можно достаточно успешно использовать в качестве вспомогательного средства в исправительно-воспитательных процедурах (пренепрременно в добровольно-принудительном порядке) для тяжело наркозависимых от сверхдоз по-RuSSia Today и «кисельно» одарённых проповедников истерично-суицидальных догматов секты «радиоактивного пепла»; равно как и ненавязчиво предлагать к ознакомлению всей патологически устойчивой массе боевых мутантов интернационально-великокацапской селекции «*homo soveticus*» и прочих «истинно руSSких», включая параноидально-шизопатических «гейропофобов» и маниакально-великодуховных «гундяефилов». Не будет оно лишним и для бесноватой когорты идолопоклонников всяческих мнимо «вечно живых» или, к сожалению, пока ещё недостаточно физически больных тиранов (вроде плюгавого «ла-ла ла-ла»), а именно для великораболепных верноподданных «руSSкага міра» и даже для отдельных (приучаемых к осмысленному чтению) фанатично-кровожадных апологетов «Третьего Рима», Рейха, Вавилона иже с ними... Ну и, конечно, оно пригодится также и тем, кому давно следует объединить усилия и начать организованно противостоять всему этому извечно лукавому великопаскудству!

28.03.2018 © Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus¹

---

1 Редакция 28.03.2018 фантастического рассказа из Хайнского цикла (Hainish) «Обширней и медлительней империй» (автор Урсула Кроубер Ле Гуин/Ursula Kroeber Le Guin) на основе текстового файла от 05.04.2001 г. (OCR Татьяна Кондакова). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

«Обширной и медлительней империй»

В самые первые десятилетия деятельности Лиги Земля ещё посылала свои космические корабли в бесконечно долгие экспедиции за границы мира, уже заселённого экспедициями Хайна и исследованного до мелочей. Они искали истинно неизведанные, новые зёмли. Все известные миры объединялись вокруг Хайна, а землян (самых, кстати, открытых и спасённых хайнцами) это не устраивало: им хотелось вырваться из семьи и жить особняком. Им хотелось открыть нечто совершенно новое. Хайнцы, как терпеливые, чадолюбивые родители, поощряли эти поиски и даже субсидировали корабли и экипажи (как, впрочем, и для некоторых других миров, входящих в Лигу).

Всех добровольцев, из которых формировались экипажи «Запредельного Поиска», объединяло одно: нормальными их назвать было никак нельзя.

Ну как можно назвать нормальным человека, отправляющегося за тридевять земель добывать информацию, которая попадёт на Землю лишь пять-десять веков спустя? Ведь в те времена ещё не пользовались *ансиблем*², и потому из-за космической интерференции мгновенная связь была возможна лишь в пределах ста двадцати световых лет; так что исследователи запредельного были полностью изолированы. К тому же они понятия не имели, что могут застать на Земле, когда вернутся (если, конечно, вернутся). Да ни один человек, проживший хоть какое-то время в Лиге, будь он в здравом уме, ни за какие блага мира не согласился бы добровольно отправиться на несколько веков в кругосветное путешествие по Вселенной. Вот поэтому в поисковики шли люди, стремящиеся уйти от действительности, неудачники и отщепенцы. И все поголовно они имели психические отклонения.

И вот десять таких ненормальных однажды поднялись на борт челнока, отправляющегося из космопорта в *Смеминге*. Все три дня лёту к своему будущему кораблю, «Гаму», они потратили на довольно неловкие попытки завязать знакомство и сблизиться. («Гам» — слово из таукитянского: пренебрежительное обращение к детям или животным; что-то вроде «щенок».) В команде было два китянина, два хайнца, одна белденианка и пятеро землян. Корабль был построен на Тау Кита, но арендован земным правительством.

---

2 В Хайнском цикле (Hainish) произведений (автор Урсула Кроубер Ле Гуин/Ursula Kroeber Le Guin) термин «ансибль», очевидно, придуман на французский манер: «an-cible» в дословном переводе может значить нечто вроде «год-цель» или «целевой год», а в данном случае — в значении некоего устройства, которое осуществляет связь не просто сквозь пространство, но именно мгновенно через световые годы, т. е. минуя пространственно-временной континуум. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

На четвёртые сутки челнок пришвартовался к «Гаму», и члены его разношерстного экипажа, стремясь попасть на борт, начали один за другим, извиваясь, протискиваясь в узкий переходник — *на смерть перепуганные сперматозоиды, возмечтавшие оплодотворить Вселенную*. Челнок отчалил, и навигатор вывел «Гама» на курс. Несколько часов его ещё можно было разглядеть из Смеминга, а потом корабль, отойдя на расстояние нескольких сотен миллионов миль, прощально померцал и... внезапно исчез.

Когда десять часов двадцать девять минут, или же двести пятьдесят шесть лет, спустя «Гам» вновь появился в космическом пространстве, он теоретически должен был оказаться в районе звезды КГ-Е-96651. Там он и оказался, что подтверждала ярко сверкавшая по курсу золотая точка. Где-то внутри сферы радиусом в четыреста миллионов километров должна была находиться и зеленоватая планетка, определённая в китянской лоции как «*Мир-4470*». Теперь оставалось её только найти. Это было так же просто, как перевероршить *четырестамиллионкилометровый* стог сена в поисках зеленоватой иголки. Задача осложнялась тем, что двигаться в пределах звёздной системы на скорости даже приближённой к световой было чревато взрывом как КГ-Е-96651, так и Мира-4470, не говоря уже о самом «Гаме». Поэтому корабль был вынужден ползти на ракетном приводе, делая не больше ста тысяч миль в час. Но математик-навигатор *Аснанифоил* был твёрдо уверен в том, что знает, где должна быть искомая «иголка», и обещал добраться до неё в течение десяти земных суток. Тем временем члены команды всё ещё притирались друг к другу.

— Видеть его больше не могу! — взорвался, брызгая слюной, *Порлок* — специалист по точным наукам (химия плюс физика, астрономия, геология и т. д.). — Этот тип просто *чокнутый*. Не представляю себе другой причины, по которой он оказался в Поиске, кроме той, что наши большие начальники решили провести над нами эксперимент по выживанию. Как на морских свинках.

— В хайнских лабораториях мы обычно предпочитали хомяков, — мягко заметил хайнец *Маннон* (гуманитарные науки: психология плюс психиатрия, антропология, экология и т. д.). — Я имею в виду — вместо морских свинок. Но, конечно, мистер *Осден*... явление исключительное. Это первый случай полнейшего излечения от синдрома Рендера — одного из подтипов инфантильного аутизма. До сих пор считалось, что этот психоз неизлечим. Великий земной аналитик *Хаммергельд* предположил, что в данном случае причиной аутизма является сверхразвитая способность к эмпатии. На основе этой теории он разработал специальный курс процедур, и первым пациентом, прошедшим этот курс, был мистер *Осден*. Он жил у доктора *Хаммергельда* до восемнадцати лет, и терапия, как видите, оказалась успешной.

— Успешной?!

— Естественно. Он полностью избавился от аутизма.

— Но он же абсолютно невыносим!

— Видишь ли, — бросив кроткий взгляд на пузырьки слюны в усах Порлока, продолжал Маннон, — когда встречаются два незнакомца — ну, к примеру, ты и мистер Осден, — тут же неосознанно вступает в действие твоя защитная реакция; она воздействует на твоё поведение, манеры, делает их подспудно агрессивными, а ты настолько привыкаешь к подобной системе отношений, что начинаешь считать её совершенно естественной. Мистер Осден, будучи острым эмпатом, прекрасно всё это ощущает. Его собственные эмоции мешаются с твоими, причём до такой степени, что он сам уже не может различить, что лично его, а что — только твоё. Подчёркиваю, что твоя реакция на незнакомого человека абсолютно нормальна, и вполне естественно, что тебе может в нём что-то не понравиться — ну там, манера одеваться, форма носа или мало ли ещё что... Но дело в том, что Осден-то всё это чувствует, и, поскольку его аутизм в процессе терапии был полностью снят, ему ничего не остаётся, как прибегнуть к крайней форме защитной реакции — агрессии, которую, между прочим, спроецировал на него (пусть и непреднамеренно) именно ты.

Маннон, похоже, завёлся надолго, и Порлок его перебил:

— Что бы ты там ни говорил, ничто не даёт человеку права быть *сволочью*.

— Так он что, может *подслушивать* наши чувства? — всполошился второй хайнец в команде — биолог Харфекс.

— Это действительно сходно со слухом, — вступила в разговор, не отрывая глаз от кисточки, при помощи которой она тщательно покрывала ногти флюоресцентным лаком, Оллероо (³ассистент специалиста по точным наукам)⁴. — На ушах-то у нас нет век, и мы не можем слушать или нет по собственному желанию. Вот так же и с эмпатией — её не отключишь одним волевым импульсом. Он вынужден воспринимать наши эмоции, хочет сам того или нет.

— А что, он и наши мысли читать может? — испуганно оглядывая остальных, прерывающимся голосом спросил инженер Эсквана.

— Нет, — фыркнул Порлок. — Эмпатия и телепатия — не одно и то же! Телепатия — миф. Никто на это не способен.

— Верно, — с вкрадчивой улыбкой поддакнул Маннон. — Вот только незадолго до отлёта с Хайна мне на глаза попался очень интересный рапорт с одного из недавно вновь открытых миров: этнолог Роканнон⁵ сообщал в нём, что явился свидетелем применения представителями местной мутировавшей гуманоидной расы определённой техники телепатии. Что самое интересное, так это то, что подобной технике можно научиться. Я, правда, читал не весь рапорт, а его краткий обзор в одном из журналов, однако...

3 В оригинале после открывающей скобки был пробел, вообще в оригинале много путаниц со скобками (исправляю, но редко указываю в сносках, например, когда открывающая скобка подменяет троеточие). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

4 В оригинале без закрывающей скобки. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

5 Подразумевается главный персонаж научно-фантастической повести 1966 года из Хайнского цикла (Hainish) «Мир Роканнона» (в оригинале «Rocannon's World»), автор Урсула Кроубер Ле Гуин/Ursula Kroeber Le Guin. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

И Маннон снова завёлся как минимум на полчаса. Но остальные уже успели заметить, что, пока он токует, на его фоне прекрасно можно говорить о своих делах: он словно и не замечал ничего.

— Так почему же он всё-таки нас *так ненавидит*? — спросил Эсквана.

— Да разве может хоть кто-нибудь *тебя* ненавидеть, душка Андер? — хихикнула Оллероо, мазнув ноготь его большого пальца светящимся ядовито-розовым лаком.

Инженер вспыхнул и расплылся в смущённой улыбке.

— Но он именно *так* себя и ведёт, словно всех нас ненавидит, — вернулась к теме координатор *Хайто* — хрупкая женщина с ярко выраженным азиатским типом лица и совершенно не соответствующим подобной внешности резким, низким и сиплым голосом молодой лягушки-быка. — Ну хорошо, допустим, он страдает от нашей неосознанной враждебности, но тогда зачем ему усугублять её своими постоянными нападка́ми на нас? Прости, Маннон, но я невысокого мнения о терапии д-ктора Хаммергельда; аутизм всё же много приемлемее в общении, чем...

Но тут она прикусила язык: в дверях кают-компаний стоял Осден.

Он казался не человеком, а наглядным пособием по анатомии. Его кожа была неестественно белой и настолько тонкой, что все кровеносные сосуды просвечивали сквозь неё: словно карта на ватмане, исчерченная голубыми и красными дорогами. Его адамово яблоко, мускулатура вокруг рта, кости и связки выступали буграми настолько, что каждая деталь воспринималась в отдельности, будто специально подготовленный муляж для изучения строения человеческого тела. Волосы у него были буро-рыжими, цвета запёкшейся крови, а брови и ресницы можно было разглядеть только при самом ярком освещении. Он не был настоящим альбиносом, и поэтому его глубоко запавшие глаза́ не были красными, но ни серыми, ни голубыми назвать их тоже было нельзя. Они вообще не имели цвета — их взгляд был прозрачен и чист, словно ледяная вода в проруби. Да и всё лицо было лишено какого бы то ни было выражения — как анатомический рисунок или лик манекена.

— Согласен, — фальцетом заявил он. — Любой возврат к аутизму был бы для меня приемлемее, нежели постоянная попытка задохнуться в вонии ваших дешёвых и вторичных *чувствишек*. Почему *от тебя так несёт ненавистью*, а, Порлок? Что, не можешь выносить самого моего вида? Так поди займись онанизмом, как прошлой ночью, — это хоть как-то улучшит исходящие от тебя вибрации... Кто, чёрт побери, переложил мои записи? Не смейте трогать моих вещей! Никто из вас! Я этого не потерплю!

— Осден, — спокойно прогудел своим густым низким басом Аснанифоил, — ну почему ты такая *сволочь*?

Андер Эсквана в ужасе закрыл лицо руками, словно заслоняясь от этой кошмарной сцены. Оллероо, напротив, уставилась на Осдена равнодушным взглядом — мол, она здесь так, *сторонний наблюдатель*.

— *Что* вам не по вкусу? — проговорил Осден. Он даже не смотрел в сторону Аснанифоила и вообще старался, насколько ему это позволяло тесное помещение, держаться на максимальном расстоянии от остальных. — На себя посмотрите: с чего мне вдруг ради вас менять свой характер?

Харфекс, человек сдержанный и осторожный, ответил:

— Не *вдруг*. Нам предстоит несколько лет провести в обществе только друг друга. У нас было бы намного меньше проблем, если бы...

— До вас что, до сих пор не дошло, что *вы мне все до лампочки*? — бросил Осден, сгрёб свои плёнки с записями и вышел.

Эсквана вдруг резко обмяк в кресле и мгновенно заснул. Аснанифоил начал чертить в воздухе волнистые линии, беззвучно бормоча «*ритуальную арифметику*».

— Его присутствие на борту нельзя объяснить иначе как *диверсией* нашего большого начальства. Теперь я в этом убедился окончательно, — горячо зашептал на ухо координатору Харфекс, беспокойно оглядывая через её плечо остальных. — *Они заранее запланировали провал нашей миссии.*

Порлок уставился мокрыми от слёз глазами на пуговицу от ширинки, которую он бессмысленно вертел в руках.

— Я же говорила вам, что *все они тронутые*, а вы посчитали это *преувеличением*.

Но в то же самое время их никак нельзя было назвать полностью сумасшедшими и невменяемыми. «Запредельный Поиск» старался всё-таки подбирать в свои команды людей достаточно образованных, культурных и умеющих вести себя в обществе. Им ведь всё же предстояло провести очень много времени в тесноте корабля, и потому требовались люди, способные терпимо, с пониманием, отнестись к депрессиям, маниям, фобиям и капризам других, чтобы в коллективе поддерживались близкие к нормальным отношения. По меньшей мере, большую часть пути. Осдена, однако, трудно было назвать интеллигентным человеком, он не имел специального образования — так, нахватался без всякой системы знаний в различных областях наук, — а уживаться с другими не только не умел, но, похоже, и не желал учиться. Он попал в экспедицию только потому, что *обладал уникальным даром — способностью к сверхэмпатии*, или, говоря проще, он был *природным биоэмпатическим реципиентом широкого профиля*. Его талант не был избирательным: Осден воспринимал волны эмоциональных вибраций от всего, что вообще способно чувствовать. Он мог разделить и вождение белой крысы, и боль раздавливаемого таракана, и фототропию мотылька⁶. Вот большое начальство и решило, что в

---

6 В оригинале так и было «фототропию мотылька» (не исправляю), хотя phototropy, фототропия, phototropism, фототропизм, светоориентация (греч. φωτο... как производное от φως — свет, освещение и τρόπος — поворот, способ, манера) — изменение направления роста органов растений под влиянием односторонне падающего света. А в данном контексте уместнее было бы говорить про phototaxis, фототаксис, фототропизм — движение микроорганизма, индуцируемое светом. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

чуждых мирах будет очень удобно иметь под рукой человека, способного воспринять, кто и что здесь чувствует вообще и по отношению к экспедиции в частности. Осдена даже удостоили особого звания — *сенсор*.

— Что такое *эмоция*, Осден? — как-то спросила его Томико Хайто, всё ещё пытаясь завязать с ним дружеские отношения. — Ну, *что* ты там можешь воспринять своей сверхэмпатией?

— *Омерзение*, — ответил он в своей обычной раздражающей манере слишком тонким для нормального мужчины голосом. — Психические испражнения представителей животного царства. Я уже по уши провалился в ваше дерьмо.

— Я только попыталась, — как можно спокойнее заметила она, — что-то узнать о тебе. Ну, какие-нибудь факты...

— Какие *факты*? Ты пыталась *залезть в меня*. Чуток побаиваясь, чуток любопытствуя, а в остальном — *с преогромным отвержением*. Навроде того, как распотрошить дохлого пса, чтоб понаблюдать, как в нём копошатся глисты. Так вот, заруби себе на носу, что мне это непотребно. Я желаю быть один! — Его кожа пошла красно-фиолетовыми пятнами, а голос взлетел до визга. — Катайся в своём дерьме одна, ты, жёлтая ведьма!

— Да успокойся же, — сказала она, еле сдерживаясь, и почти сбежала в свою каюту.

Да, он, конечно же, был прав, описав мотивы её поведения с *такой точностью*; да, её вопросы были только преамбулой к дальнейшему разговору, слабой попыткой заставить его заинтересоваться. Ну,⁷ и что в этом плохого? Разве подобная попытка является актом неуважения к кому бы то ни было? Правда, в *тот* момент,⁸ когда она задавала их, в ней действительно было маловато искреннего интереса; она скорее *жалела его*: бедный, озлобленный, высокомерный ублюдок, *мистер Освежёванный*, как прозвала его Оллероо... Интересно, какого же отношения он к себе ждёт, продолжая вести себя *подобным* образом? Любви, что ли?

— Я думаю, он просто не в состоянии перенести, когда кто-то его жалеет, — предположила Оллероо, не отрывая глаз от полировки ногтей.

— Но он же тогда не способен ни с кем установить нормальные человеческие отношения. Всё, чего добился доктор Хаммергельд, — так это *развернул его аутизм внутрь его*...

— Бедный *мудак*, — вздохнула Оллероо. — Томико, а ты не будешь против, если Харфекс забежит сегодня вечером на пару минут?

— А ты что, не можешь пойти к нему в каюту? Мне уже обрыдло торчать в кают-компании, любуясь этой ошкуренной горькой редькой.

7 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

8 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Вот. Ты же *ненавидишь его*. То есть я хочу напомнить, что *он это прекрасно чувствует*. И ещё хочу напомнить, что прошлую ночь я именно провела в каюте Харфекса. Но если это станет системой, то Аснанифоил, с которым он живёт, тоже разохотится. Так что мне было бы много удобнее здесь.

— Ну так *обслужи обоих*, — отрезала Томико с грубостью, присущей только оскорблённой добродетели. Она происходила из восточноазиатского региона Земли, где царили строгие пуританские отношения. И до сих пор ещё была девственницей.

— Но мне больше одного за ночь не надо, — с незамутнённым спокойствием объяснила Оллероо. На Белдене, *Планете Садов*, откуда она была родом, ни целомудренности, ни колеса так и не изобрели.

— Ну,⁹ тогда попробуй, каков в постели Осден, — огрызнулась Томико. Причины её резких перепадов настроения для неё самой нередко оставались загадкой, но в данный момент причина была очевидна: взрыв раздражения был спровоцирован её комплексом неполноценности и чувством вины.

Маленькая белденианка вскинула на неё распахнутые глаза и застыла с кисточкой для лака в руке:

— Томико, как ты можешь говорить *такие непристойности*?

— А что такого?

— Это было бы *так гадко*! Осден же мне ни капельки не нравится!

— Вот уж не думала, что для тебя *это* имеет значение, — равнодушно бросила Томико, забрала свои записи и, выходя из каюты, добавила: — Надеюсь, вы с Харфексом, или с кем там ещё, успеете закончить до последнего звонка. Я слишком устала сегодня.

Оллероо забилась в рыданиях, роняя слёзы на тщательно вызолоченные соски. Плакала она по любому поводу. А Томико плакала в последний раз, когда ей было десять лет от роду.

Маловато радости было на борту этого корабля, однако, когда Аснанифоил с помощью компьютеров вышел к Миру-4470, её немножко прибавилось. Планета лежала прямо по курсу, сверкая, словно тёмно-зелёный драгоценный камень на дне гравитационного колодца. И по мере того как нефритовый диск рос на экранах, в команде росли взаимопонимание и терпимость. Даже эгоизм и грубость Осдена теперь работали на то, чтобы сплотить остальных.

— А может, он был введён в экипаж в качестве *мальчика для битья*. Или, как говорят на Земле, *козла отпущения*, — высказал предположение Маннон. — Может, и в самом деле его противостояние нам всем приводит, в общем и целом, к положительным результатам...

И ни один из них не посмел его перебить — настолько сильным в тот момент было желание поддерживать добрые отношения.

9 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Корабль вышел на орбиту вокруг планеты. На её ночной стороне не светилося ни одного огонька, а на дневной не было видно ни одной дороги, ни единой постройки.

— Людей здесь нет, — прошептал Харфекс.

— Конечно, нет, — пробурчал Осден из-под напыленного на голову пластикового пакета, который, по его словам, *предохранял его от вибраций находившихся рядом с ним остальных членов команды*. Для наблюдений ему был выделен персональный экран. — Мы находимся в двухстах световых годах от границ Хайнской экспансии, и снаружи вы не найдёте ни одного человека. Причём нигде. *Неужели вы считаете природу такой дурой, чтобы она дважды повторяла свои ошибки?*

Никто даже не обернулся в его сторону; все взгляды были прикованы к экранам, на которых плыл нефритовый диск. *Там была жизнь. Но там не было человека*. А все они среди людей всегда чувствовали себя белыми воронами, и потому эта картина не рождала в их сердцах чувства одиночества и заброшенности, а наоборот — вселяла покой. Даже Осден лишился своей обычной непроницаемой маски: он слегка нахмурился.

Приводнение на океанскую гладь, взятие проб воздуха, высадка. Корабль со всех сторон окружали травянистые растения: сочные зелёные стебли кивали на ветру пышными метёлками макушек и, слегка задевая экраны нацеленных на них видеокамер, запудривали линзы обильной пылью.

— Создаётся впечатление, что на планете одна *фитосфера*¹⁰, — сказал Харфекс. — Осден, ты нащупал там хоть что-нибудь *разумное?*

Все головы обернулись к сенсору, но тот молча встал из-за экрана и налил себе чашку чая. Он не собирался отвечать. Он вообще очень редко снисходил до ответа на прямо поставленный вопрос.

Туго затянутые ремни военной дисциплины были абсолютно неприменимы к сумасшедшим учёным — ни у одного из них нет своего капрала в голове, заставляющего мозг выполнять приказы начальства. Их иерархические отношения строились на чём-то сходном с парламентской процедурой и регулировались системой мягких полуприказов. Однако (пусть даже по совершенно непостижимым для неё соображениям) большое начальство назначило доктора Томико Хайто *координатором экспедиции*, и она в первый раз за весь полёт решила воспользоваться данной ей властью.

— Мистер сенсор Осден, — выдавила она из себя, — будьте добры ответить мистеру Харфексу.

— Интересно, как это я могу «нащупать» хоть что-то снаружи, если вокруг меня постоянно копошатся, как червяки в банке, *девять психически неуравновешенных гуманоидов?* Когда у меня будет что сказать, не бойтесь —

---

10 Очевидно, подразумевается придуманный *писательницей* термин phytosphere, фитосфера (от греч. φυτό — растение и σφαῖρα — шар) — сфера растений. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

скажу. Я прекрасно знаю свои обязанности сенсора. Но если вы, координатор Хайто, ещё хоть раз позволите себе мною командовать, я подумаю о том, чтобы их с себя сложить.

— Отлично, мистер сенсор, я полагаю, что в дальнейшем мне не понадобится вам приказывать. — Голос Томико был абсолютно спокоен, но Осден, стоявший всё это время к ней спиной, *вздрагнул*, словно получил физический удар.

Предположение биолога полностью оправдалось: произведя ряд проб и анализов, они не обнаружили на планете ни малейшего намёка на животные формы жизни — даже никаких микроорганизмов. Никто в этом мире не ел другого. Единственным способом существования был фотосинтез. Планета была безграничным царством растений, и ни одно из них не походило на те, что встречались до сих пор представителям царства человека. Бесконечное разнообразие форм и расцветок: зелёные, красные, пурпурные, коричневые... И полная тишина. Единственным, что здесь двигалось, был тёплый ветерок — он лениво задевал листья и стебли и гонял облачка светло-зелёной пыли над бескрайними лесами, прериями, степями, лугами... на которых не росло ни единого цветка; ничья нога ещё не ступала по этой девственной земле, ничьи глаза никогда не любовались этой пышной зеленью. Тёплый печальный мир. Безмятежно-печальный.

Поисковики спокойно, словно на пикнике, бродили по лугу, заросшему сиреневыми травами, и тихонько переговаривались друг с другом. Они не смели говорить громко, опасаясь нарушить великое, царившее здесь миллионы лет безмолвие вётра и листьев, листьев и вётра — то нарастающее, то стихающее, но неизбывное. Они говорили почти шёпотом, но, будучи людьми, не могли не говорить.

— Бедняга Осден! — приснула биотехник Дженни Чонг, пилотируя маленький разведывательный вертолёт к Северному полюсу планеты. — Иметь в голове такую сверхточную аппаратуру — и быть не в состоянии её применить. Какой облом!

— Он сказал мне, что *ненавидит растения*, — со смешком отозвалась Оллероо.

— Хочешь сказать, что *он сам похож на растение*? По крайней мере,¹¹ до тех пор, пока мы его не задеваем?

— Я бы тоже не сказал, что мне вся эта растительность по душе, — заметил Порлок, глядя на расстилавшиеся внизу багровые приполярные леса. — Всё одно и то же. Ни малейшей мысли. Ни малейших изменений. Человек, останься он здесь один, рехнётся в пять минут.

— Но *они все живые*, — сказала Дженни Чонг. — И Осден ненавидит их именно *за это*.

— Ну, он всё-таки не настолько ублюдок, — великодушно вступилась Оллероо.

---

11 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Порлок бросил на неё косой взгляд:

— Ты что, и с ним спала?¹²

Белденианка вспыхнула и разрыдалась:

— У вас, землян, на уме одно непотребство!

— Да нет, он ничего *такого* не хотел сказать, — поспешила вмешаться Дженни Чонг. — Ведь правда, Порлок?

Химик внезапно *расхохотался*, и его усы украсились гирляндой брызг слюны.

— Да Осден не переносит даже, когда к нему прикасаются, — сквозь слёзы всхлипнула Оллероо. — Я его как-то случайно задела плечом в коридоре, так он оттолкнул меня с такой *гадливостью*, словно я грязная... вещь. *Мы все для него только вещи.*

— Он — *дьявол!* — внезапно взвился Порлок с такой *яростью*, что обе женщины испуганно вздрогнули. — Он уничтожит всю нашу команду, не одним способом, так другим. Помогите мои слова! Да его нельзя на пушечный выстрел подпускать к нормальным людям!

Они приземлились на Северном полюсе. Полуночное солнце еле тлело над невысокими холмами. Сухие ломкие зелёно-бордовые палки растений торчали во всех направлениях. Хотя здесь везде существовало только одно направление — на юг. Подавленные великим безмолвием, поисковики молча достали свои инструменты и принялись за работу — три копошащихся вируса на теле неподвижного космического великана.

Осдена никто не приглашал в исследовательские экспедиции; никто не просил его сопровождать очередной вылет ни в качестве фотографа, ни пилота, ни связиста. Сам он тоже не изъявлял ни малейшего желания в них участвовать и потому редко покидал центральную базу. Там он часами просиживал за компьютером, делая сводку результатов изысканий Харфекса. Ещё он помогал Эскване, в обязанности которого входила профилактика оборудования, но на радиоинженера общение с ним действовало таким специфическим образом, что он просыпал двадцать пять часов из тридцати двух, составлявших местные сутки. И даже несмотря на это, мог заснуть в любой момент, прямо над паяльником.

Однажды координатор решила не отправляться на вылет, а провести весь день на базе, чтобы спокойно составить отчёт. Кроме неё оставалась только *Посвет Ту*, с которой Маннон провозился всё утро, чтобы вывести из состояния превентивной кататонии. Теперь она отлёживалась в своей комнате. Томико, одним глазом наблюдая за Осденом с Эскваной, заносила информацию в банк данных. Так прошло два часа.

— Ты, очевидно, собираешься для соединения этой цепи использовать микроманипуляторы-860, — раздался тихий нерешительный голос Эскваны.

---

12 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь одного персонажа завершилась и начинается ответная реакция другого персонажа. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Естественно!¹³

— Прости, но я вижу, что у вас только 840-е...

— Так будут 860-е! Я, к твоему сведению, ещё не успел поменять. У меня не тысяча рук! Вот когда я не буду знать, что делать дальше, тогда и начну спрашивать твоих советов, инженер!

Томико выждала с минуту и оглянулась. Эсквана спал, уронив голову на стол и засунув в рот большой палец.

— Осден! ...

Тот промолчал и даже не обернулся. Лишь лёгкое нетерпеливое движение плечами показало, что *он слушает*.

— Ты не можешь не знать, в чём слабость Эскваны.

— Я не в ответе за его ненормальные физические реакции.

— Зато ты в ответе за себя. На этой планете без Эскваны нам не обойтись, а вот без тебя — вполне. Поэтому если ты не способен контролировать свою враждебность, то тебе, пожалуй, следует отказаться от общения с ним.

Осден отложил инструменты и встал.

— Да с удовольствием! — взвизгнул он. — Ты же не способна даже вообразить, что значит постоянно подвергаться вместе с ним приступам его неосознанного страха, разделять его патологическую трусость, быть вынужденным вместе с ним трястись как овечий хвост от малейшего шороха!

— Ты что это, пытаешься оправдаться передо мной за своё свинское к нему отношение? Я-то думала, в тебе больше самоуважения... — Томико внезапно обнаружила, что её трясёт от ярости. — Если твои эмпатические способности действительно позволяют тебе разделять с Андером его фобии и осознать всю глубину его несчастья, то почему же это не вызывает в тебе *ни капли сочувствия*?

— *Сочувствие*... — пробормотал Осден. — *Сострадание*. Да что ты можешь знать о сочувствии?

Томико удивлённо воззрилась на него, но он продолжал стоять к ней спиной.

— Не позволишь ли мне вслух назвать своими именами те эмоции, что ты сейчас, в данную минуту соизволила почувствовать по отношению ко мне? — через минуту вновь заговорил он. — Я могу определить их даже точнее, чем ты сама. Я уже наловчился мгновенно анализировать любые вибрации, как только они меня достигают. И я принял все твои эмоции по полной программе.

---

13 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь одного персонажа завершилась и начинается ответная речь другого персонажа. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— А что ты, интересно, от меня ожидал ещё? Думаешь, я буду вежливо сносить все твои выходки?

— Да какое значение имеют мои выходки, ты, *тупая кретинка*? Ты что, думаешь, что любой нормальный человек — это источник любви? Мне судьбой предоставлен выбор — быть либо ненавидимым, либо презираемым. Не будучи ни женщиной, ни трусом, я *предпочитаю вызывать к себе ненависть*.

— Чушь. Самозащита. У каждого человека...

— Но *я не человек*, — перебил её Осден. — Это вы все — люди. А я сам по себе. Я *один*.

Потрясённая столь бездонным солипсизмом, Томико несколько минут не могла выдавить из себя ни слова; наконец она бросила без всякой жалости, как, впрочем, и без злобы:

— Ну так пойд и удавись!

— Тебе этот путь больше подходит, Хайто, — глумливо усмехнулся он. — Я не подвержен депрессиям, и потому для меня сеппуку¹⁴ не является лекарством от всех болезней. Есть ещё предложения?

— Тогда уходи. Полностью отдели себя от нас. Забирай вертолёт и отправляйся на сбор образцов. Лучше в лес. Харфекс лесами ещё не занимался. Возьми под контроль любой гектар леса в пределах радиосвязи. На связь будешь выходить в восемь и двадцать четыре часа ежедневно.

Осден вышел и с этой минуты в течение пяти дней напоминал о себе лишь лаконичными сообщениями по два раза в сутки. Атмосфера на базе резко изменилась к лучшему. Эсквана теперь бодрствовал по восемнадцать часов. Посвет Ту достала свою любимую лютню и теперь с утра до вечера распевала гимны (раньше Осден, которого от музыки корёжило, запрещал ей это). Маннон, Харфекс, Дженни Чонг и Томико прекратили принимать транквилизаторы. Порлок что-то там продистиллировал в лаборатории и в одиночку продегустировал. Потом долго маялся похмельем. Аснанифоил вместе с Посвет Ту закатали всенощную нумерологическую эпифанию — мистическую оргию на языке высшей математики — верх блаженства для любой таукитянской религиозной души. Оллероо переспала со всеми мужчинами. Работа пошла семимильными шагами.

Но на шестой день райской жизни пришел конец. Специалист по точным наукам с выпученными глазами опрометью вылетел на поляну, на которой находилась центральная база, и, не тратя времени на обход по протоптанной тропинке, помчался напролом сквозь обступавшие лагерь стволы сочных трав.

14 Сеппуку — то же, что харакири. (примеч. пер.) — Подразумевается сеппуки, сеппуку (у японских самураев) — ритуальное самоубийство путём вспарывания живота (живот разрезается в форме конверта особым коротким мечом); незавершённую форму сеппуку называют харакири (hara-kiri). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Там,¹⁵ в лесу... *Что-то есть...* — запыхавшись, выпалил он. Руки и усы его тряслись мелкой дрожью. — *Что-то большее. Оно двигалось. Я оставил в том месте отметку и поспешил убратся. А оно шло за мной. Оно будто бы скользило по ветвям. И не отставало. Оно меня преследовало.* — Он с ужасом оглядел сбежавшуюся команду.

— Сядь, Порлок. Успокойся. Приди в себя и попробуй проанализировать свои впечатления. Ты что-то видел...

— Не то чтобы *видел*. Это было какое-то движение. *Направленное. Я... я н-не знаю, что это было...* Но оно двигалось само... По деревьям... Ну, по этим древовидностям... Да плевать, как они называются, главное — *оно бродило по ним*. И на самой опушке.

— Некому на тебя здесь нападать, Порлок, — угрюмо проговорил Харфекс. — Здесь даже микробов нет. А больших животных нет и быть не может.

— А что, если это просто какая-то лоза упала с дерева у тебя за спиной или рухнул подгнивший ствол?

— Нет, — стоял на своём Порлок. — Оно *направленно* двигалось ко мне. И очень быстро. А когда я обернулся, *отпрянуло* в гущу веток и *спряталось*. И ещё я слышал какой-то *треск*. Если это не животное... то один Бог знает, что это может быть! Оно было большим. Примерно с человека. Вроде рыжеватое. Но толком я не видел и не могу с уверенностью это утверждать.

— Это был Осден. Не наигрался в Тарзана в детстве, — нервно хихикнула Дженни Чонг.

Томико не выдержала и прыснула, но Харфекс остался серьёзным, как гробовщик.

— Бродить одному среди этих древовидных трав небезопасно для здоровья, — наконец тихо, напирая на каждое слово, заговорил он. — Я давно это заметил и потому отложил исследование леса на потом. Колыхание густо растущих ветвей этих пастельных оттенков (и особенно в сочетании с люминофорами) создаёт *гипнотический эффект*. А коробочки спор взрываются со столь равными интервалами, что это создаёт впечатление какой-то искусственности. Но я думал, что это действует так только на меня, и не хотел пока делиться своими субъективными впечатлениями. Однако, если кто-то подвержен гипнозу больше, чем я, это вполне могло вызвать у него *галлюцинации*...

Порлок яростно затряс головой и, облизнув сухие губы, упрямо возразил:

— Оно там было. Оно двигалось вполне целеустремлённо. Оно пыталось *напасть на меня со спины*.

Когда в двадцать четыре часа Осден вышел на связь, Харфекс рассказал ему о случае с Порлоком.

---

15 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Не обнаружили ли вы, мистер Осден, хоть чего-нибудь, что могло бы подтвердить наличие в лесу движущейся, сознательной жизнеформы?

— С-с-с... — сардонически прошипело радио, а затем раздался резкий безапелляционный фальцет сенсора: — Нет. Чушь собачья.

— Вы пробывали в лесу дольше, чем мы все, вместе взятые, — с безупречной вежливостью продолжал Харфекс. — Не пришли ли вы к тем же выводам, что и я, а именно: что данные растительные формы способны своим монотонным колыханием вызвать гипнотический эффект и в конечном итоге привести к галлюцинациям наблюдателя?

— С-с-с... Я согласен, что Порлок имеет большие проблемы с головой. Заприте его лучше в лаборатории, где он меньше наломает дров. От меня ещё что-то надо?

— Пока больше ничего, — буркнул Харфекс, и Осден тут же отключился.

Никто не мог подтвердить рассказ Порлока, однако никто не мог и опровергнуть его. Сам же он был абсолютно уверен, что некто большой пытался напасть на него со спины. Поставить его слова под сомнение было легко, но в то же время ни один из членов экспедиции ни на минуту не забывал, что *находится в чужом мире*. И ни один из них не мог не признать, что каждого, кто вступал под сень инопланетных деревьев, брала оторопь и по спине лёгким холодком пробежал невольный *страх*. Харфекс предложил называть всё-таки эти древовидные растения *деревьями*.

— Ведь это то же самое, только совсем другое, — объяснил он.

Все рано или поздно побывали в лесу и сошлись на том, что чувствуют там себя чрезвычайно неуютно и не могут отделаться от впечатления, что *спиной ощущают чью-то слежку*.

— Нет, с *этим* необходимо разобраться, — сказал наконец Порлок и потребовал, чтобы его, как и Осдена, направили в лес во временный лагерь, чтобы он смог бы заняться наблюдениями всерьёз.

С ним вызвались идти Оллероо и Дженни Чонг, но только при условии, что они будут вместе. Харфекс направил группу в лес неподалёку от центральной базы, находившейся на широкой равнине, занимавшей четыре пятых континента D. Он запретил им брать с собой оружие и потребовал не уходить слишком далеко и всё время оставаться в пределах связи. Как и Осден, они дважды в сутки были обязаны отчитываться.

Прошло три дня. Потом Порлок сообщил, что на берегу реки заметил между деревьями движение чего-то большого, неопределённой формы. На следующую ночь Оллероо доложила, что слышала, как кто-то ходит вокруг палатки. Она клялась, что ей это не приснилось.

— На этой планете не может быть животных, — упорно продолжал твердить Харфекс.

И вдруг Осден пропустил свой утренний рапорт. Томико просидела у приёмника целый час, а затем вместе с Харфексом вылетела в тот район, откуда пришло последнее сообщение от сенсора. Но когда вертолёт пошёл кругами над предполагаемым районом поисков, раскинувшееся внизу шелестящее море пурпурно-зелёных листьев, веток и метёлок привело её в отчаяние.

— Как мы сможем найти его в этой каше?

— Он сообщал, что остановился на ночлег на берегу реки. Надо искать аэрокар: от него он далеко уйти не мог. Собирать образцы — работа довольно кропотливая... А вот и река.

— А вот и его аэрокар! — воскликнула Томико, уловив в листе столь необычный для пастельных тонов этого мира резкий металлический блик. — Двигай *туда*.

Они зависли над берегом, и Томико сбросила верёвочную лестницу. Оба начали спускаться, и вскоре пышная растительность сомкнулась над их головами.

Как только её ноги коснулись земли, координатор тут же расстегнула кобуру, однако, бросив взгляд на невооружённого Харфекса, решила пока пистолета не вынимать. Но руки с кобуры тоже не сняла. Несмотря на то,¹⁶ что они находились всего в нескольких метрах от реки, здесь царил полная тишина. Под кронами деревьев царил сырой полумрак. Вокруг колоннами уходили ввысь совершенно одинаковые стволы. Но при ближайшем рассмотрении всё-таки между ними были некоторые различия: на одних мягкое покрытие было гладким, на других — бугристым; одни были буровато-зелёными, другие — коричневыми; все они были оплетены толстыми лианами и увешаны фестонами эпифитов; голые мощные ветви, лишь на макушке увенчанные пучком жёстких тёмных блюдцеподобных листьев, тянулись вверх, создавая природную крышу, достигавшую двадцати-тридцати метров в толщину. Почва под ногами пружинила, как старый матрац с выпирающими пружинами корней и отводков.

— Вот его палатка, — сказала Томико и вздрогнула от звука собственного голоса, так грубо нарушившего первозданную тишину.

В палатке они обнаружили спальный мешок Осдена, несколько книг и коробку с продуктами.

«Надо покричать, позвать его», — подумала координатор, но вслух предложить это почему-то не решилась. Харфекс тоже не высказал подобного предложения, и они стали обследовать окрестности палатки, двигаясь кругами и стараясь всё время держаться в поле зрения друг друга, что в сгущавшихся сумерках становилось всё трудней.

Томико споткнулась о тело Осдена примерно в трёхстах метрах от палатки и, если бы не ярко белевшие в сумраке страницы выпавшей из его рук записной книжки, вообще могла бы пройти мимо. Он лежал ничком между двумя огромными деревьями. Его затылок и плечи были залиты кровью, которая уже начала подсыхать.

Рядом тут же возникло лицо Харфекса — здесь, под сводом лесов, его обычно и так слишком белая хайнская кожа казалась зеленоватой.

— Он мёртв?

— Нет. Он без сознания. Его кто-то ударил. Сзади. — Говоря, Томико быстро ощупала его голову. — Удар был нанесён оружием... или инструментом... Никак не могу найти рану.

Они перевернули тело Осдена, и тот открыл глаза. Придерживая его голову, Томико склонилась к самому лицу раненого: его бледные губы дрогнули... И тут внезапно её захлестнул *панический страх*. Она завизжала и бросилась бежать, не разбирая дорог, спотыкаясь о корни и больно ушибаясь о стволы. Харфекс помчался вслед за ней и, поймав её, крепко прижал к себе. Ощувив тепло его рук, Томико тут же пришла в себя.

— Что с тобой? Что такое? — мягко спросил он.

— Сама не знаю, — всхлипнула Томико. Её сердце всё ещё колотилось как сумасшедшее, а перед глазами всё плыло. — Страх... Ужас... Я испугалась, когда... когда *посмотрела ему в глаза*.

— Да, мне тоже стало как-то не по себе. Странно...

— Всё. Со мной всё уже в порядке. Пойдём, надо ему помочь.

Поспешно и не особо церемонясь с бесчувственным телом Осдена, они отволокли его к берегу и, чтобы поднять в вертолёт, продели ему под мышки верёвочную петлю. Обвиснув, как тюк, Осден стал плавно подниматься вверх, качаясь поплавром в толще лиственного моря. Тело втащили в кабину, и уже через минуту вертолёт поднялся высоко в небо, подальше от колеблющейся багрово-зелёной поверхности леса. Томико установила автопилот на обратный маршрут и перевела дыхание. Их с Харфексом глаза встретились.

— Я страшно перепугалась. До полусмерти. Никогда со мной такого не было.

— Я тоже... чувствовал какой-то необъяснимый страх, — признался Харфекс. Он выглядел так, словно разом постарел лет на десять. — У меня это было не так сильно, как у тебя... Но *совершенно беспричинный, какой-то животный ужас*...

— Это началось, когда я посмотрела ему в лицо. Мне в *тот* момент показалось, что он пришёл в сознание.

— *Эмпатия?* ... Надеюсь, он хоть расскажет, что же такое на него напало.

Осден, словно сломанный, заляпанный грязью и кровью манекен, в неловкой позе лежал на заднем сиденье, куда они его в спешке закинули, думая не столько об удобстве раненого, сколько о своём жгучем стремлении поскорее убраться из леса.

Их появление на базе вызвало всеобщую панику. Бессмысленная жестокость, с которой было осуществлено нападение, породила у всех самые зловещие опасения. Никто не знал, что и думать. И поскольку Харфекс упрямо продолжал отрицать возможность появления на планете животных, посыпались версии — одна фантастичнее другой: о разумных растениях, о древоподобных монстрах и даже о травяном сверхразуме, управляющем психополем на физическом уровне. Скрытая фобия Дженни Чонг расцвела во всей красе, и та ни о чём больше не могла говорить,¹⁷ кроме как о тёмных «эго», крадущихся по пятам людей. Они с Оллероо и Порлоком в тот же день вернулись на базу, и теперь никакие силы не заставили бы ни одного члена экспедиции высунуть за пределы лагеря даже кончик носа.

Осден, пролежавший три или четыре часа без помощи, потерял много крови, а так как при этом получил ещё и сотрясение мозга, то первое время он находился на грани жизни и смерти.

— Доктор... — слабым голосом звал он в бреду. — Доктор Хаммергельд...

Двое бесконечных суток лихорадка сменялась полукомой и вновь приступами горячечного бреда, но наконец больной всё же пришёл в сознание. Убедившись, что за его жизнь можно больше не опасаться, Томико пригласила в его комнату Харфекса.

— Осден, можешь ты нам рассказать, кто на тебя напал?

Блеклые глаза вопросительно уставились на Харфекса.

— На тебя напали, — мягко, но настойчиво продолжала Томико. — Может, ты пока не в состоянии это вспомнить. Кто-то на тебя напал. Ты шёл по лесу...

— А! — вскрикнул он, и глаза его лихорадочно блеснули, а лицо мучительно напряглось. — Лес... Там, в лесу...

— Что было в лесу?

Осден судорожно вздохнул, затем черты лица расслабились: судя по выражению глаз, он совладал с собой. Помолчав немного, он ответил:

— Не знаю.

— Так ты видел того, кто на тебя напал? — спросил Харфекс.

— Не знаю.

— Ты же сейчас вспомнил.

— Не знаю.

---

17 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— От твоего ответа могут зависеть жизни всех нас! Ты обязан рассказать, *что* видел!

— Не знаю, — раздражённо всхлипнул Осден. Он был настолько слаб, что даже не мог скрыть, что *что-то знает, но не желает рассказывать*.

Порлок, подслушивающий под дверью, от волнения изжевал свои усы. Харфекс навис над Осденом и рявкнул:

— Ты расскажешь всё,¹⁸ или...

Томико пришлось прибегнуть к физическому вмешательству.

Необычайным усилием воли Харфекс взял себя в руки и молча ушёл к себе, где тут же принял двойную дозу транквилизаторов. Остальные с потеряннм видом слонялись по лагерю, не в силах говорить друг с другом. Осден даже в *такой* ситуации ухитрился *противопоставить себя всем*. Но теперь *они от него зависели*. Томико продолжала ухаживать за ним, еле сдерживая неприязнь, жёлчным комком застрявшую в горле. Этот кошмарный эгоизм, питавшийся чужими эмоциями, эта чудовищная самоуверенность вызывали гораздо большее отвращение, чем любое физическое уродство. *Такие ублюдки не имеют права на существование. Такие не должны жить. Их надо убивать в младенчестве. Так почему бы не разmozжить ему голову прямо сейчас? ...*

Осден дёрнулся и попытался приподнять безвольные руки, чтобы заслониться, а по его мраморно-белым щекам заструились слёзы.

— Не надо, — просипел он. — *Не надо...*

Томико словно проснулась. Она села прямо и, помедлив, взяла его за руку. Он слабо воспротивился и попытался вырваться, но даже на это у него не хватило сил.

Они долго молчали, наконец Томико тихо заговорила:

— Осден, прости меня. Мне очень жаль. Я желаю тебе только добра. Ну позволь мне почувствовать к тебе хоть что-то доброе. Я не хотела причинить тебе вреда на самом деле. Слушай, я всё поняла. *Это был один из нас*. Что — нет? Нет, не отвечай, только покажи как-нибудь, *права я или нет*. Хотя, боюсь, я всё же не ошиблась... Да, *на этой планете есть животные. Их десять*. Мне даже не так уж важно, кто именно это сделал. В конце концов, дело сейчас не в этом. Но я знаю, что в любом случае это была не я. Да, я начинаю понимать. Но осознать по-настоящему, Осден... Понять тебя... Если б ты знал, как нам это трудно. Но послушай: а что, если вместо ненависти и страха ты можешь вызвать *любовь*... Неужели тебя никто не любил?

— Никто.

---

18 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Но почему? Неужели никто и никогда? Все люди вокруг тебя оказались такими равнодушными и ленивыми? Ужасно. Нет-нет, лежи спокойно, всё хорошо. Ну прислушайся, ведь сейчас-то ты не чувствуешь ненависти? Ну? Сейчас-то, по крайней мере, идёт симпатия, сочувствие, добрые пожелания. Ты чувствуешь это, Осден?

— Вместе... с чем-то *другим*, — почти беззвучно прошептал он.

— Наверное, это фон, созданный моим подсознанием. Или эмоции кого-нибудь находящегося поблизости. Слушай, когда мы нашли тебя там, в лесу, я попыталась тебя перевернуть, и ты на минуту пришёл в сознание. От тебя прямо-таки разило *паническим страхом* — я вся пропиталась им в одну секунду. Это что, *ты меня так боялся*?

— Нет.

Она всё ещё держала его за руку и тут почувствовала, что его кисть расслабляется. Похоже, он начинает задрёмывать, как человек, измученный болью и внезапно получивший временное облегчение.

— Лес... — сонно пробормотал он. — Страх...

Томико решила оставить его в покое и просто смотрела, как он засыпает, так и не выпуская его руки. Она прекрасно осознавала, что за эмоция в данный момент рождается в её душе, как осознавала и то, что Осден её сразу почувствует. Существовала только одна эмоция, или состояние души, способная изменить всё разом, полярно перестроить все отношения. В хайнском языке и любовь, и ненависть обозначаются одним словом «*онта*». Нет, Томико не была влюблена в Осдена, но то, что она чувствовала к нему, было именно «*онта*», причём пока ещё ближе к ненависти. Она держала его за руку и ощущала рождённые прикосновением токи, связывающие, объединяющие их. А он всегда так нетерпимо относился к любому физическому контакту... Жёсткое кольцо мускулов вокруг рта, придававшее лицу вечно брезгливое выражение, смягчилось, и вдруг Томико увидела то, чего не видел ещё ни один из членов их команды, — очень слабую, но *улыбку*... Но она тут же растаяла, как тень, и Осден глубоко заснул.

Всё-таки он был крепко сколочен: уже на следующий день попытался садиться и ощутил голод. Харфекс снова хотел его допросить, но Томико запротестовала. На двери комнаты она повесила кусок полиэтилена, как делал Осден в своей каюте на корабле.

— Это что, действительно ограждает тебя от чужих эмоций? — поинтересовалась она.

— Нет, — сухо ответил Осден. Однако в последнее время он стал общаться с ней без обычной грубости.

— А-а, тогда это что-то вроде *предостережения другим*.

— Отчасти. Но с другой стороны — и *самоубеждение*. Доктор Хаммергельд считал, что это *может* мне помочь... Может, и помогает, *отчасти*.

И всё же Осден знал, что такое любовь. Дитя-уродец, задыхавшееся от безлюбья, равнодушия и чудовищных эмоций взрослых, было избавлено от всего этого одним единственным человеком. Человеком, научившим его дышать и жить. Давшим ему всё, что необходимо, — свою защиту и любовь. Отец-Мать-Бог в едином лице — никак не меньше.

— Он всё ещё жив? — спросила Томико, потрясённая вселенским одиночеством Осдена и профессиональной жестокостью великих учёных.

Ответом ей послужил визгливый смешок, неприятно резанувший по нервам:

— Он мёртв уже два с половиной столетия! Ты что, забыла, где мы находимся? Все мы бросили свои семьи...

А там, за пластиковым занавесом, остальные восемь обитателей Мира-4470 продолжали своё странное, томительно бессмысленное существование. Они лишь изредка переговаривались приглушёнными голосами. Эсквана спал; Посвет Ту снова отлёживалась после эпилептического припадка; Дженни Чонг пыталась расставить лампы в своей комнате таким образом, чтобы вообще не отбрасывать тени.

— Все они перепуганы до смерти, — говорила Томико, сама ощущая затаившийся в глубине души липкий противный страх. — Все они запугали себя своими фантастическими предположениями по поводу того, кто на тебя напал: вид плотоядной картошки, клыкастый шпинат или ещё какая гадость... Даже Харфекса это не миновало. Возможно, ты и прав в том, что не торопишься встать и начать снова общаться с ними. Так лучше для нас всех. Но почему мы все настолько слабы, что не хотим посмотреть в лицо действительности и признать очевидное? Мы что, действительно все сходим с ума?

— А скоро будет ещё хуже.

— Почему?

— *Здесь-таки кто-то есть*, — вырвалось у Осдена, но он спохватился и так крепко сжал губы, что кольцо мышц вокруг них легло как бастион.

— Разумный?

— Скорее... *ощущающий*.

— В лесу?

Он кивнул.

— И кто же?

— *Страх*. — Осден весь подобрался, и руки его нервно зашарили по одеялу. — Когда я упал там, в лесу, то не потерял сознания. Или, по крайней мере, даже если и отключался, то несколько раз приходил в себя. Не могу сказать точно. Наверное, так себя ощущает полностью парализованный человек.

— В какой-то мере ты и был им.

— Я лежал на земле. И даже головы́ не мог поднять. Не мог отвернуть лица́ от всей этой грязи, листовенного мусора, что покрывает в местных лесах землю. Всё это лезло мне в глаза́ и ноздри, а я не мог... не мог шевельнуться. Глаз открыть не мог. Словно был похоронен заживо. Словно уже потонул в этом слое перегноя, стал его частью. Я знал, что лежу между двумя стволами, хотя и не видел их. Не мог видеть. Наверное (это я теперь понял), я решил так, потому что чувствовал их корни. Они вились прямо подо мной и уходили глубоко-глубоко в землю. Мои руки́ были в крови́ (это я тоже чувствовал). А кровь всё текла и текла, пока листья и земля не облепили моё лицо удушливой маской. Вот тут я ощутил страх. Страх, всё усиливающийся. Словно они наконец-то узнали, что я лежу здесь, на них, под ними, среди них; что именно я — то, чего они так боятся, но в то же время там был и просто страх, сам по себе. А я не мог перестать распространять волны́ страха, не мог встать и уйти. Потом, похоже, я отключился, но когда снова пришёл в себя, страх продолжал пронизывать меня с ещё большей силой. А я всё ещё не мог подняться. Даже шевельнуться. Но ведь и они не могли.

У Томико по затылку пробежал холодок, и внутри стал поднимать голову загнанный вглубь тошнотворный ужас.

— Они? Кто «они», Осден?

— «Они»... или «оно», или «это» — не знаю. Страх. *Страхи*.

— Чего это он крутит? — подозрительно сощурился Харфлекс после того, как Томико пересказала ему последний разговор с Осденом. Она до сих пор не подпускала его к своему пациенту, понимая, что того нужно пока оградить от вспыльчивого хайнца. Но, к сожалению, у самого Харфлекса эти предосторожности вызвали *приступ паранойи*, и он решил, что координатор и сенсор объединились в тайный союз и скрывают от него какую-то очень важную информацию об опасности, нависшей над большей частью команды.

— Это то же самое, как если бы слепой попытался описать слона. Осден не способен слышать или видеть... ощущение, как и любой из нас.

— Но он его всё-таки *ощутил*, дорогуша, — прошипел Харфлекс с еле сдерживаемой яростью. — Причём не только и не столько эмпатически, сколько своим собственным черепом. Оно подошло и шарахнуло его по башке каким-то тупым предметом. Так неужто он даже краем глаза́ не уловил ни единой детали?

— И кого же он должен был увидеть, Харфлекс? — вкрадчиво спросила Томико, но хайнец не услышал в её интонации скрытого намёка.

Скорей всего он даже мысли не допускал о подобном. Боятся всегда чужаков. Убийцей может оказаться любой иностранец, иноземец, просто чужой — но никак не один из нас. Во мне — любимом и прекрасном — зла нет!

— Первый удар сбил его с ног и лишил сознания, — терпеливо объяснила Томико. — Осден ничего не видел. Но когда пришёл в себя один-одинёшенек в лесу, то ощутил жуткий страх. И *то был не его собственный страх — а воспринятый им эмпатически от кого-то ещё*. В этом он полностью уверен. И абсолютно уверен, что тот страх не исходил ни от одного из нас. Таким образом, это служит прямым доказательством, что *далеко не все растения здесь бесчувственны*.

— Хочешь *запугать* меня, Хайто, — мрачно пробурчал Харфекс. — Я только не понимаю, *зачем тебе это надо?*¹⁹

Он встал, давая понять, что разговор закончен, и, ссутулившись, словно ему было не сорок лет, а, по меньшей мере, восемьдесят, побрёл к своему лабораторному столу.

Томико оглядела остальных и ощутила, как растёт их отчаяние. Её едва возникшее, ещё такое хрупкое, но уже такое глубокое взаимопонимание с Осденом помогало ей удерживаться на краю безумия и придавало сил. Но как же другие? Если уж Харфекс начал терять голову, чего ждать от остальных? Порлок и Эсквана заперлись в своих комнатах, остальные пока работали или, по крайней мере, старались себя чем-нибудь занять. И всё же в их поведении было что-то *неестественное*. Сначала координатор не понимала, *что же её насторожило*, но потом заметила, что *все выбрали себе места так, чтобы иметь возможность наблюдать за лесом*. Оллероо, игравшая с Аснанифоилом в шахматы, сидела к окну спиной, но и она, постоянно понемножку передвигая свой стул, вскоре оказалась сидящей бок о бок со своим партнёром.

Томико тихонько подошла к Маннону, исследовавшему какой-то паукообразный бурый корень, и предложила ему решить эту маленькую психологическую шараду. Он мгновенно уловил суть вопроса и ответил с непривычным для него лаконизмом:

— Держать врага в поле зрения.

— Какого такого *врага*? А ты-то сам *что* чувствуешь, Маннон? — Она уцепилась за соломинку надежды, что там, где биолог потерпел поражение, может разобраться психолог.

— Я лично чувствую *тревогу*, причём отовсюду. Но я не эмпат. Мою тревогу можно в равной мере объяснить как стрессовым состоянием, являющимся естественной реакцией на нападение на члена нашей команды, так и стрессом более широкого профиля, вызванным нахождением в чужом мире и близостью того, что мы называем «лесом», — хотя на самом деле это не более чем весьма приблизительная метафора.

Несколько часов спустя Томико была разбужена среди ночи воплями Осдена, которого *мучили кошмары*. Маннон дал ему успокоительное, и она снова почти мгновенно погрузилась в собственные дебри снов и блуждала по ним без дорог до самого утра. А утром Эсквана не проснулся. Его не разбудила даже лошадиная доза стимулятора. Он *спрятался в свой сон, как улитка в*

19 В оригинале точка вместо вопросительного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

раковину, будучи не в силах больше переносить напряжение бодрствования, и теперь лежал в позе эмбриона, засунув большой палец в рот — безучастный ко всему окружающему миру.

— Прошло два дня, и двое выбыло. Десять негритят, девять негритят... — бормотал, не обращаясь ни к кому, Порлок.

— А следующим негритёнком будешь ты! — взорвалась Дженни Чонг. — Сделай-ка себе анализ мочи, Порлок.

— Он скоро доведёт нас всех до полного сумасшествия, — вскочил тот, размахивая руками. — Неужели вы этого не видите? Вы что, все оглохли и ослепли? Неужели вы не чувствуете *эманации*, которыми он на нас воздействует? Вы только прислушайтесь, ощутите, *что* изливается на нас из его комнаты, из его гнилых мозгов! Он нас всех сведёт с ума! Мы рехнёмся от страха!

— Ты это о ком? — пробасил, возвышаясь огромной волосатой горой над щуплым землянином, Аснанифоил.

— А что, тебе ещё имя нужно называть? Да пожалуйста: Осден! Осден! Осден! А почему, ты думаешь, *я пытался его убить*? Это была *самозащита*! Я должен был спасти нас всех! Потому что вы ни черта не видите и не понимаете, *что* он нам готовит! Сначала он саботировал экспедицию тем, что повсюду заводил свары, чтобы нас перессорить, но этого ему показалось мало, и он стал отравлять нас страхом. Он генерирует его так мощно, что мы уже не можем ни спать, ни думать... Как огромное радио, которое, не издавая ни звука, всё работает и работает... И никому не даёт ни заснуть, ни услышать свои мысли. Хайто и Харфекса он уже полностью подчинил себе, но остальных-то можно ещё спасти! Я должен был попытаться! Кто, как не я?!

— Не очень-то *это* у тебя получилось, — сухо заметил появившийся в дверях своей каюты полуголый, похожий на скелет, Осден. — Я и то смог бы ударить сильнее. Да чёрт возьми, поверьте мне наконец, это не я пугаю вас до полусмерти, Порлок! *Это идёт оттуда, из лесу!*

Тот бросился на Осдена с явным намерением придушить, но Аснанифоил поймал Порлока за шиворот и придерживал всё то время, которое понадобилось Маннону, чтобы сделать успокоительный укол. Но пока его уводили, Порлок продолжал кричать что-то бессвязное о гигантских радиостанциях. Через несколько минут лекарство оказало своё действие, и Порлока уложили рядышком с Эскваной.

— С ним порядок, — облегчённо вздохнул Харфекс. — А теперь, Осден, может, ты всё же расскажешь нам, что знаешь? Причём желательно всё.

— Но я *ничего не знаю*, — ответил Осден. Он еле держался на ногах, и Томико поспешила усадить его в шезлонг.²⁰ — На третий день работы в лесу мне показалось, что я *ощутил... нечто*.

— Почему же ты не сообщил об этом сразу?

20 В оригинале абзац разрывается, т. е. переход на новый абзац, хотя речь персонажа продолжается. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Потому что я, как и любой из вас, *принимаю транквилизаторы*.

— И всё равно ты должен был доложить об этом.

— Тогда вы отозвали бы меня назад на базу. А этого мне хотелось меньше всего. Вы все уже поняли, что включение меня в состав экспедиции было большой ошибкой. Я просто не в состоянии общаться с девятью невротиками, запертыми со мной на таком крошечном пространстве. Мне это не по силам. Подав заявление в «Запредельный Поиск», я сваял большого дурака, а наше начальство сваяло дурака не меньшего, приняв меня.

Все молчали, но по тому, как у Осдена дёрнулись плечи и поджались губы, Томико поняла, *как болезненно он ощутил всеобщее согласие с его словами*.

— В любом случае я не хотел возвращаться на базу. К тому же меня взяло любопытство: *как это я ухитрюсь воспринимать эмоции там, где нет ни единого существа, их генерирующего?* Тогда ещё они не продуцировали ничего плохого. Да и вообще вибрации были слабенькие, почти неуловимые — как сквозняк в запертой комнате; как движение, пойманное краем глаза. Ничего конкретного.

Всеобщее внимание несколько его подбодрило: он говорил именно потому, что видел, как его слушают. Знали бы они, насколько он зависит от их прихотей: когда они чувствовали к нему неприязнь, он вынужден был так себя вести, чтобы её оправдать; когда они высмеивали его, он эпатировал их ещё больше; теперь они слушали, и он должен был говорить. Он был беспомощен перед ними, он был рабом их эмоций, настроений и капризов. И их было здесь семеро — слишком много, чтобы найти взаимопонимание сразу со всеми. Вот и приходилось скакать, как блоха, от одного настроения к другому. Даже сейчас, когда Осден своим рассказом, казалось бы, полностью завладел всеобщим вниманием, они не переставали думать о чём-то ещё: Оллероо вдруг внезапно открыла для себя, что Осден не лишён привлекательности; Харфекс параноически всё искал в его словах скрытый подтекст; сознание Аснанифоила, вообще не способное подолгу задерживаться на чем-то одном, уже устремилось в дебри абстрактной математики, а Томико разрывалась между чувством долга и своими комплексами. Отвлёкшись, Осден заговорил тише, начал запинаться и обнаружил, что *потерял нить рассказа*.

— Я... Я думаю, что дело тут в деревьях, — сказал он и, окончательно сбившись, замолчал.

— Нет, не в деревьях, — покачал головой Харфекс. — У этих... не более развитая нервная система, чем у любого другого растения на Хайне или Земле. Нет у них нервной системы. Ни у одного.

— Ты так и не увидел за деревьями леса, как говорят у вас на Земле, — невесело усмехнулся Маннон. — А что ты скажешь о тех корневых узлах, над которыми мы с тобой бьёмся уже вторую неделю, а?

— А что в них такого?

— Ничего. Они связывают деревья между собой. Только и всего. А теперь представь на минутку, что ты понятия не имеешь, как устроен мозг животного, а тебе выдали для его исследования одну-единственную взятую наобум клетку? Как ты думаешь, сумеешь ты выяснить, частью чего это является и какие функции выполняет всё образование? Сможешь ты по отдельно взятой клетке определить способность мозга к ощущениям, сознанию?

— Нет. Потому что одна клетка ничего не чувствует. Она способна лишь реагировать на механические раздражители — не более. Ты что, хочешь сказать, что *каждое из здешних растений — что-то вроде клетки и что они объединяются в общий «мозг»?*

— Ну, не совсем так. Я просто обращаю твоё внимание на то, что все они связаны между собой этими корневыми узлами под землёй и эпифитами в кронах. Наличие этой связи отрицать никак нельзя. Ведь даже в степях самые жиденькие травки и те имеют подобные узлы. С чего бы это? Я прекрасно знаю, что *сознание и способность ощущать не являются физическими объектами — их невозможно вытащить на кончике скальпеля при резекции мозга.* Это функции соединённых между собой клеток. Но если наличествует связь, то не исключено, что и ей присущи подобные функции...²¹ Хотя, конечно, это маловероятно. Я даже не собираюсь убеждать вас в том, что сам верю в эту гипотезу. Более того, я думаю, что если бы это действительно было так, то Осден всё-таки смог бы это ощутить и объяснить нам...

И Осден вдруг заговорил, словно в трансе:

— Способность ощущать, не имея чувств. Слепо, глухо, бездвижно. Лишь слабая возбудимость или раздражение в ответ на прикосновение. Реакция на солнечный свет, на свет вообще, на воду, на минеральные вещества, всасываемые корнями из землёй. Это даже сравнить нельзя с сознанием животного. Близко нету. Присутствие, бытие без осознания. Полное неведение о собственном существовании. *Нирвана.*

— Но откуда же тогда взялся *страх*? — тихо спросила Томико.

— Не знаю. Я же не способен определять степень разумности объекта, я могу лишь воспринять, есть эмоция или нет... Несколько дней я просто ощущал смутный дискомфорт. Но вот тогда, когда я лежал там между двумя деревьями, когда моя кровь попала на их корни... — лоб Осдена покрылся каплями пота, — вот тогда-то и появился страх. Страх в чистом виде, — добавил он дрожащим голосом.

— Ну, допустим, такое образование существует, — задумчиво проговорил Харфекс. — Но если это и так, я уверен, что оно не в состоянии отреагировать на присутствие самопередвигающегося существа. Для подобного организма воспринять наше присутствие не легче, чем нам, скажем, осознать бесконечность.

---

21 В оригинале абзац разрывается, т. е. переход на новый абзац, хотя речь персонажа продолжается. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Когда я думаю о бесконечности, меня ужасает её полное безмолвие, — прошептала Томико. — Но Паскаль был способен осознавать бесконечность. Может, именно через страх.

— Лёсу мы могли показаться чем-то вроде лесного пожара, — продолжал развивать свою гипотезу Маннон. — Или урагана. Чего-то опасного. Для растения всё, что передвигается, — опасно. Всё, что не имеет корней, — чуждо, неприемлемо. И если у него всё же есть сознание, то стоит ли удивляться, что он смог осознать присутствие Осдена — человека, чей мозг открыт для всех, человека, чувствующего обострённо. И вот этот человек лежит, излучая страх и боль, прямо внутри этого *лесоорганизма*. Вот он и испугался...

— Только не говори «он»! — перебил его Харфекс. — Это не существо, не личность! Это не более чем функция...

— Там только страх, — сказал Осден.

На минуту в комнате повисла тишина. Все молча прислушивались к безмолвию снаружи.

— Это что-то вроде того, что я всё время ощущаю у себя за спиной? — робко спросила Дженни Чонг.

Осден кивнул:

— Вы все это ощущаете. Даже своими притуплёнными чувствами. А Эсквана просто не смог это перенести, потому что его эмпатические способности развиты лучше, чем у вас. Он даже мог бы сам научиться проецировать эмоции, но был всегда для этого слишком слабovolен и предпочитал роль медиума.

— Осден, — встрепелась Томико, — но ты-то умеешь проецировать. Так попробуй передать этому лёсу наши добрые намерения. Пусть он поймёт, что мы не причиним ему вреда, и перестанет нас бояться. Ведь если у него есть некий механизм, позволяющий ему проецировать то, что мы воспринимаем как эмоцию, почему бы не попробовать найти с ним общий язык? Пошли ему сообщение: *«Мы дружелюбны и неопасны»*.

— Ты должна знать, что *ни один эмпат не способен лгать в проекции эмоций*, Хайто. Я не могу послать им то, чего нет.

— Но мы действительно не желаем ему ничего плохого.

— Правда? Там, в лесу, где вы меня подобрали, ты тоже была столь прекраснодушно настроена?

— Нет. Я была в ужасе. Но ведь это же не относилось ни к лёсу, ни к растениям.

— Да какая разница? Ты же всё равно это излучала. Неужели вы до сих пор не поняли, — наконец прорвало Осдена, — почему с самого первого дня мы с вами — со всеми вами — так невзлюбили друг друга? Неужели вы не почувствовали, что я, получив от вас удар агрессии или антипатии, мгновенно

возвращаю его обратно? Как и любое проявление симпатии, кстати. Это моя самозащита. Тут я ничем не лучше Порлока. Я был вынужден разработать эту технику зеркального отражения, потому что не имел естественной защиты от разрушительного воздействия эмоций других. И в результате ваша первоначальная антипатия ко мне как к уроду стала расти, как снежный ком, пока не превратилась в прочную ненависть. Какой-то порочный замкнутый круг! Теперь-то вы можете меня понять? Лес сейчас продуцирует одну-единственную эмоцию — страх. Так чем ещё я могу ему ответить, если привык отражать?

— Ну,²² и что нам теперь делать? — спросила Томико,

— Переносить лагерь, — тут же предложил Маннон. — На другой континент. Если там тоже есть эти лесоорганизмы, то, возможно, они нас заметят нескоро — если заметят вообще.

— Это будет для всех большим облегчением, — кивнул Осден.

Теперь команда смотрела на него совсем другими глазами. Он открылся им, и они увидели глубоко несчастного человека, загнанного в ловушку своих сверхразвитых чувств. До них постепенно стало доходить то, что уже давно поняла Томико: *его эгоизм, его грубое, неприязненное отношение к ним было их собственным творением*. Это они построили клетку, заперли его в ней и морщили носы, наблюдая за возмутительными манерами превращённого ими в обезьяну человека.

Никому не пришло в голову отнестись к нему с искренним доверием, если уж любви с первого взгляда он не способен был вызвать. А теперь уже слишком поздно. Будь у Томико побольше времени и возможности общаться наедине, она, наверное, смогла бы наладить с ним нормальные, основанные на доверии гармоничные отношения. Но времени не было: всё поглощала работа, которую необходимо было сделать и которая не оставляла ни минуты на культивацию столь сложных отношений. Однако на то, чтобы понемногу, исподволь накапливать взаимную симпатию и ползти к любви черепашьям шагом, времени всё же хватало. Она чувствовала, что в силах осуществить это, но, взглянув на Осдена, поняла, что ему этого будет недостаточно. Его пылавшее от сдерживаемого возмущения лицо свидетельствовало о том, что ему крайне неприятно всеобщее жалостливое любопытство. И даже её сострадание не способно исправить положение.

— Тебе лучше прилечь, — торопливо сказала она, — а то рана снова начала кровоточить.

Осден послушно ушёл к себе.

На следующий день исследователи запаковали оборудование, размонтировали ангар и жилые помещения, погрузились на борт «Гама» и отправились на другую сторону Мира-4470. Они долго летели над бескрайними зелёными и красными равнинами, лениво плещущимися тёплыми морями, пока не опустились посреди заранее выбранной прерии на континенте G: двадцать тысяч квадратных километров, поросших

22 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

опыляемыми ветром травами. На сотни километров вокруг не было не только леса, но даже одиночных деревьев. Виды трав здесь никогда не перемешивались, предпочитая расти как бы колониями. Исключение составляли лишь вездесущие сапрофиты.

Весь день команда монтировала новый лагерь и тридцать два часа спустя уже праздновала новоселье. Эсквана всё ещё спал, а Порлока продолжали накачивать наркотиками, зато все остальные воспрянули духом.

— Здесь можно дышать спокойно! — периодически облегчённо вздыхал каждый.

Осден встал с постели и на дрожащих от слабости ногах доковылял до двери. Там он остановился и долго-долго смотрел на волнующееся в вечерних сумерках море трав, которые на самом деле травами не являлись. Ветерок пах пылью и шуршал в траве. А больше — ни звука. Эмпат не двигался. Настала ночь, и в небе загорелись звёзды, заглядывая в окна самого обособленного в мире человеческого дома. Ветер улёгся, и наступила полная тишина. Сенсор слушал.

Томико Хайто тоже напряжённо вслушивалась в ночь. Она лежала, вытянувшись, на постели и слушала, как кровь бьётся в её артериях; она слушала дыхание спящих, лёгкие порывы ветра, бег чёрных мыслей, мягкие шаги приближающихся снов, плавное движение Вселенной к большому взрыву, вкрадчивую поступь смерти. Но долго этого выносить она оказалась не в силах и, вскочив с постели, почти сбежала из тесного крошечного мирка своей комнатки.²³

Нынешней ночью из всей команды спал лишь Эсквана. Порлок, спелёнутый смиренной рубашкой, ворочался, пытаясь выпутаться, и ругался на чём свет стоит на своём родном языке. Оллероо с Дженни Чонг с унылыми лицами играли в карты, Посвет Ту заперлась в блоке физиотерапии,²⁴ Аснанифоил рисовал мандалу²⁵. Маннон с Харфексом сидели в комнате Осдена.

Томико сменила ему повязку на голове и только сейчас обратила внимание на то, что его рыжеватые волосы выглядят несколько необычно — в них появились седые пряди. Её руки задрожали. Все молчали.²⁶

— Откуда и здесь появиться страху? — вспорол тишину её резкий голос.

— Не только деревья; травы тоже...

23 В оригинале запятая вместо точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

24 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

25 Mandala, мандала (санскр. maṇḍala — круг, диск, шар) — в буддизме живописное или графическое изображение схемы Вселенной, представляющее иерархическую расстановку в мироздании всех буддистских святых. Призвана дать видимую и композиционно завершённую форму космогонической концепции буддизма: элементы представлены изображениями какого-либо будды или бодхисатвы. Получила широкое распространение в странах Дальнего Востока и Центральной Азии вместе с проникновением сект эзотерического (тайного) буддизма; один из важнейших сакральных символов, характерный также для ламаизма, индуизма, джайнизма. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

26 В оригинале запятая вместо точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Но мы же в двадцати тысячах километров от места, где были сегодня утром. Мы на другой стороне планеты.

— А, это всё равно, — угрюмо произнёс Осден. — Это один большой зелёный организм. Много ли потребуется времени, чтобы отфутболить мысль из одного конца мозга в другой?

— Оно не может думать. Оно на это не способно, — по привычке возразил Харфекс. — Это всего лишь сеть, по которой идут некие процессы. Все эти переплетающиеся ветви, вездесущие эпифиты, корневые узлы — всё это способно лишь передавать электрохимические импульсы. Если выразиться точнее, то тут нет отдельных растений как таковых. Это единая система, а пыльца, разносимая ветром, служит своеобразным способом связи между континентами. Нет, в это невозможно поверить. Не может вся биосфера планеты быть единой коммуникативной сетью. Причём ощущающей, но не обладающей сознанием, бессмертной и изолированной...

— *Изолированной...* — повторил Осден. — Вот оно! Вот откуда страх. Дело не в том, что мы способны передвигаться или можем нести разрушение. Дело в том, что мы просто есть. Мы — нечто иное. *Чужое*. Здесь никогда не было ничего чужого, отдельного от этого мира.

— Ты абсолютно прав, — почему-то шёпотом поддержал его Маннон. — Оно никогда не имело равных себе. Не имело врагов. Оно ни с кем не общалось, кроме себя самого. Оно всегда было одно и вообразить себе не могло, что существует кто-то ещё.

— Тогда, интересно, как отражается его самость на борьбе видов за выживание?

— Может, и никак, — ответил Осден. — С чего это ты полез в телеологию, Харфекс? Ты что, хайнец, что ли? Чем заковыристей задачка, тем больше кайфа с ней возиться?

Но Харфекс никак не прореагировал на укол. Было похоже, что он *сломался*.

— Мы должны убираться отсюда, — грустно сказал он.

— О, вот теперь-то ты понял наконец, почему я всегда так стремился убраться от вас всех подальше, оградить себя от вашего присутствия, — с болезненной настойчивостью вернулся Осден к своей проблеме. — Ведь что приятного в том, что все боятся кого-то? ... И если бы это касалось только животных. С ними я как раз могу справиться. Да я уживусь скорее с тигром или коброй — более развитый интеллект даст мне определённые преимущества. Мне лучше работать в зоопарке, чем в человеческом коллективе... Если бы я только мог справиться с этим чёртовым тупым овощем! Если б только он был не таким огромным и *подавляющим*! ... Сейчас я воспринимаю от него только всё тот же *панический страх*. Но раньше, до всего, я ведь ловил его безмятежность и спокойствие! Тогда я ещё не понимал его и потому не мог настроиться на приём. Я не знал, как он огромен. Это то же самое, как попытаться воспринять весь солнечный свет сразу или осознать ночь. Все ветра и штили одновременно. Зимние звёзды и летние звёзды в

один единый момент бытия. Привыкнуть иметь корни, но зато — ни единого врага. Быть *целостным*. Понимаешь? Некому на тебя посягать. Нет ни одного врага. Быть полностью...

«Он никогда так откровенно не говорил раньше», — подумала Томико,²⁷ а вслух сказала:

— Ты незащищен перед ним, Осден. Он влияет на тебя, на твою личность. И ты уже *меняешься*. Если мы немедленно отсюда не улетим, то первым, кто сойдёт здесь с ума, будешь ты.

Он не ответил. Медленно-медленно повернул он голову в её сторону и впервые за всё время их знакомства встретился с Томико взглядом. И, не отводя от неё своих прозрачных, как вода, глаз, вдруг злобно усмехнулся:

— А много мне помог здравый смысл? Но твоя-то работа здесь не доделана, Хайто.

— Надо, надо убираться отсюда, — пробормотал Харфекс.

— А если я сдамся, — сказал Осден, словно размышляя вслух, — может, тогда мне удастся с ним связаться?

— Под «сдамся» ты подразумеваешь, — заметно волнуясь, осторожно заговорил Маннон, — насколько я тебя понял, отказ отсылать полученную эмоцию к её источнику. То есть в данном случае, вместо того чтобы возвращать растительному существу его страх, попытаться абсорбировать его эмоцию. Но это либо убьёт тебя на месте, либо отбросит обратно к твоему крайнему аутизму.

— Но почему? — удивился Осден. — Оно излучает неприятие. Но оно не обладает интеллектом, а я обладаю.

— У вас разные весовые категории. Разве способен мозг одного человека достичь взаимопонимания со столь огромным и чуждым разумом?

— Мозг одного человека способен постичь принцип строения Вселенной, — отпарировала Томико, — и выразить его одним словом — «любовь».

Маннон с удивлением смотрел на обоих, не зная, что ответить. Молчал и Харфекс.

— В лесу мне будет легче, — сказал Осден. — Кто-нибудь из вас полетит со мной?

— Когда?

— Теперь же. Пока никто не успел свихнуться и впасть в буйство.

— Я полечу, — сказала Томико, и одновременно с ней Харфекс заявил:

— Никто не полетит.

---

27 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Я не могу, — замялся Маннон. — Я... я боюсь. Я могу разбить вертолёт.

— Надо взять с собой Эсквану. Если мне удастся выйти на связь, он может послужить нам медиумом.

— Координатор, вы одобряете план сенсора? — официальным тоном спросил Харфекс.

— Да.

— А я нет. Но полечу с вами.

— Думаю, мы это переживём, Харфекс. — Томико не отрывала глаз от лица Осдена. Эта белая уродливая маска преобразилась на глазах и сейчас притягивала её взгляд выражением страстного нетерпения юного любовника, стремящегося на первое свидание.

Оллероо и Дженни Чонг, всё ещё пытающиеся отвлечься от своих страхов игрой в карты, вдруг разом затрепали, как перепуганные дети:

— Но эта тварь в лесу навалится на вас и...

— Что, *боитесь темноты?* — осклабился Осден.

— Но посмотрите на Эсквану, Порлока... Даже Аснанифоил...

— Вам оно не причинит никакого вреда. Это не более чем импульс, пробегающий между синапсами. Ветер, колышущий ветки. Страшный сон.

Спящего Эсквану погрузили на заднее сиденье, а Томико села за пульт управления. Харфекс и Осден молча смотрели на постепенно растущую на горизонте тонкую полоску леса, всё ещё отделённую от них милями и милями серой равнины.

Наконец они долетели до границы смены цвета, пересекли её, и теперь под ними расстиралось тёмное, почти чёрное море листьев.

Томико стала выискивать место для приземления. Она спускалась всё ниже и ниже, несмотря на то,²⁸ что всё в ней противилось этому, несмотря на страстное желание улететь отсюда подальше. Здесь, в лесу, мощь излучения была намного сильнее. Людей то и дело пронизывали тёмные волны отторжения и неприятия. Впереди показалось светлое пятно: макушка холма, слегка возвышающаяся даже над самыми высокими из окружавших её тёмных крон не-деревьев, корневых систем, частей одного целого. Томико направила вертолёт туда. Но посадка прошла довольно плохо — пальцы скользили, словно были намазаны сухим мылом.

Лес сомкнулся вокруг — чёрный в ночной темноте.

Томико окончательно струсила и закрыла глаза. Эсквана застонал во сне. Харфекс дышал как паровоз, но даже не пошевелился, когда Осден, перегнувшись через него, распахнул дверь.

---

28 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Эмпат встал; его спина и повязка на голове были едва различимы в свете приборных лампочек панели управления. Он перешагнул через Харфекса и замер на секунду в дверном проёме.

Томико затрясло. Она скорчилась в кресле, не в силах даже поднять головы́.

— Нет, нет, нет, нет, нет, нет, нет, — шептала она. — Нет. Нет. Нет.

Осден скользнул вниз и растворился в обступившем вертолёт мраке. Ушёл.

«Я *иду!*» — прогремел беззвучный голос.

Томико закричала. Харфекс поперхнулся; он попытался привстать, но снова упал в кресло и больше не двигался.

Томико в ужасе нырнула внутрь себя и сконцентрировалась на центре своего существа — слепом глазе живота. Снаружи был только страх, страх, *страх*.

И вдруг он *исчез*.

Она подняла голову. Медленно расцепила судорожно сведённые пальцы. Потом села прямо. Ночь была очень тёмной, и над лесом горели звёзды. И больше не было ничего.

— Осден, — позвала она, но из её горла не вырвалось ни звука.

Она повторила попытку, и над холмом разнёсся жалобный зов одинокой лягушки-быка. Ответа не было.

Только сейчас до неё стало доходить, что с Харфексом *что-то не в порядке*. Она зашарила в темноте, пытаясь найти его голову, — оказалось, что он сполз с сиденья. И вдруг в мёртвой тишине кабины раздался голос:

— Хорошо.

Это был голос Эскваны. Томико включила внутренний свет и увидела радиоинженера, спящего в обычной скрюченной позе.

Его рот открылся и произнёс:

— Всё хорошо.

— Осден...

— Всё хорошо, — повторили губы Эскваны.

— Где ты?

Молчание.

— Вернись.

Начал подниматься ветер.

— Я остаюсь здесь.

— Ты не можешь остаться...

Молчание.

— Ты будешь здесь одинок, Осден!

— Слушай. — Голос был слабым, слова — еле разборчивыми, словно их заглушало ветром. — Слушай. Я желаю тебе всего самого хорошего.

Томико снова стала его звать, но больше ответа не получила. Эсквана лежал неподвижно. А Харфекс был ещё неподвижнее.

— Осден! — закричала она в ночную темноту, разрывая неустойчивое на ветру безмолвие лесосущества. — Я вернусь. Мне нужно срочно доставить Харфекса на базу. Я вернусь, Осден!

Тишина и шелест листьев на ветру.

Все необходимые исследования Мира-4470 восьмёрка исследователей завершила через сорок одни сутки. Сначала Аснанифоил и женщины по очереди ежедневно летали на поиски Осдена в район той лысой горы, где он остался памятной всем ночью. Хотя Томико в глубине сердца так до конца и не была уверена, что правильно определила и указала место посадки, совершённой наобум, когда голова кружилась от страха. В этом безграничном лесу были и другие холмы. Исследователи оставили Осдену кучу тюков со всем необходимым: продуктов на пятьдесят лет, одежду, инструменты, палатку. Потом поиски прекратили — очень трудно в дебрях бесконечных древесных лабиринтов, в чьих тёмных коридорах полы пронизаны корнями, а стены сплетены из лиан, найти человека, который сам не хочет, чтоб его нашли. Они могли пройти мимо на расстоянии вытянутой руки и не заметить его в вечном сумраке, царящем в этих лесах.

Но он был жив — потому что *страх исчез, словно его не было никогда.*

Томико пыталась найти рациональное объяснение тому, *что* сумел сделать Осден, но никак не могла *это* сформулировать — слова разбегались, как тараканы. Он вобрал страх в себя и, приняв его, сумел преодолеть. Он отказался от себя самого, от своей сущности; он полностью растворился в чуждом ему мире, где нет места никакому злу. Он постиг искусство быть любимым и отдал себя всего, без остатка. Но рациональным это объяснение назвать никак нельзя.

Люди из «Запредельного Поиска» в последний раз шли под густой кроной, сквозь живую колоннаду, окружённые дремлющей тишиной и спокойствием, жизнью, едва ли осознающей их присутствие и полностью к ним равнодушной. Здесь не было времени. И расстояния не имели никакого значения. *О, нам бы мира и времени вдосталь...* Планета кружилась, сменяя солнечный свет великой тьмой ночи; ветра — что лета, что зимы — были прекрасны, и светлая пыльца летела лёгкими облачками над океанами.

После многих лет исследований и световых лет пути «Гам» вернулся на то место, где два столетия назад находился космопорт Смейинга. Но там всё-таки нашлись люди, которые приняли отчёты команды (хоть и с большим скептицизмом) и списали потери: *«Биолог Харфлекс — умер от страха; сенсор Осден — остался в качестве колониста»*.

XX © Урсула Кроубер Ле Гуин

ИНФОРМАЦИЯ О КНИГЕ:

Hainish

«Обширной и медлительной империй»

© Ursula Kroeber Le Guin/Урсула Кроубер Ле Гуин

editor: Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus

Авторство документа:	Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus
Редакция и оформление:	28.03.2018
Время редактирования:	03:05:46
Количество сохранений:	106

Общее количество страниц:	40
Общее количество абзацев:	462
Общее количество слов:	13341
Общее количество символов:	85155

Copyright © XX by Ursula Kroeber Le Guin

Copyright © 28.03.2018 by Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus

Hainish